

УДК 94(470)''18/19''(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.261

Восточный Мурман: социальные аспекты колонизации в материалах экспедиций и путевых заметок II половины XIX — начала XX вв. *

© ТЕРЕЩЕНКО Елена Юрьевна, доктор культурологии, доцент

E-mail: tereschenko.elena@masu.edu.ru; ter_elen@inbox.ru

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен ряд социальных аспектов колонизации Восточного Мурмана (домашний быт, повседневный труд, религиозные верования, обучение в школе, досуг). Историкографический анализ позволил выявить специфику локальной (повседневной) истории колонизации Кольского полуострова. В работах А.П. Энгельгардта, А.Г. Слезкинского, С.Ю. Витте, С.О. Макарова, В.И. Немировича-Данченко, К.К. Случевского, Д.Н. Островского, А.К. Энгельмейера, В.И. Маноцкова, А.К. Сиденснера, Н.В. Романова, «Материалах по статистическому исследованию Мурмана» и других источниках приведены факты из личной и семейной биографии, обстоятельства переселения на Мурманский берег, бытовые условия, обстановка дома, особенности обучения и воспитания детей. Описания образа жизни переселенцев, зафиксированные в материалах экспедиций и путевых заметок, позволяют заключить, что социокультурная адаптация колонистов на Восточном Мурмане, создание здесь среды обитания человека (от промыслового стана к постоянным поселениям) во многом была связана с развитием института семьи. В целом история колонизации представляет собой уникальный опыт освоения Арктики — один из самых результативных в мировой истории, который важен для осмысления географии русского Севера.

Ключевые слова: Арктика, Кольский Север, Восточный Мурман, колонизация.

Eastern Murman: Social Aspects of Colonization in the Materials of Expeditions and Travel Notes of the 2nd Half of the 19th — Early 20th Centuries

© Elena Yu. TERESHCHENKO, Dr. Sci. (Cult.), Associate Professor

Email: tereschenko.elena@masu.edu.ru; ter_elen@inbox.ru

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Abstract. The article discusses several social aspects of the colonization of Eastern Murman (everyday life, daily work, religious beliefs, schooling, leisure). The historiographic analysis made it possible to identify the specifics of the local (everyday) history of the Kola Peninsula colonization. In the works of A.P. Engelhardt, A.G. Slezskinsky, S.Yu. Witte, S.O. Makarov, V.I. Nemirovich-Danchenko, K.K. Sluchevsky, D.N. Ostrovsky, A.K. Engelmeyer, V.I. Manotskov, A.K. Sidensner, N.V. Romanov, “Materials on the statistical study of Murman” and other sources provide facts from personal and family biography, the circumstances of resettlement to the Murmansk coast, living conditions, home furnishings, especially the education and upbringing of children. The descriptions of the migrants’ lifestyle recorded in the materials of expeditions and travel notes allow us to conclude that the colonists’ socio-cultural adaptation in Eastern Murman, the creation of a human habitat, was primarily associated with the development of the institution of the family. In general, the history of colonization is a unique experience in the development of the Arctic — one of the most productive in world history, which is vital for understanding the Russian North’s geography.

Keywords: Arctic, Kola North, Eastern Murman, colonization.

* Для цитирования: Терещенко Е.Ю. Восточный Мурман: социальные аспекты колонизации в материалах экспедиций и путевых заметок II половины XIX — начала XX вв. // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 261–276. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.261

For citation: Tereshchenko E.Yu. Eastern Murman: Social Aspects of Colonization in the Materials of Expeditions and Travel Notes of the 2nd Half of the 19th — Early 20th Centuries. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 261–276. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.261

Введение

Изучению опыта освоения арктических территорий всегда придавалось большое значение. Особое внимание привлекает Мурманский берег, где был реализован проект колонизации, в результате которого на данной территории основаны новые населённые пункты, где сегодня проживают более 300 тыс. человек.

До середины XIX в. на Мурмане постоянные поселения отсутствовали. В 1868 г. Александр II утвердил «Положение о даровании льгот поселенцам Мурманского берега» [1, Энгельгардт А.П., с. 90]. Уже в следующем году на эту территорию прибыли 46 семей, а по данным 1899 г. на Мурманском побережье было образовано 40 колоний, в которых насчитывалось 2 185 жителей [2, Статистические исследования Мурманна. Колонизация, с. 1, 3]. В колониях возводятся православные храмы, часовни, открываются школы, фактории, коммерческие предприятия, развивается морская торговля.

Глобальные проблемы освоения арктических территорий широко представлены в теоретической литературе и СМИ [3–8]. Колонизации Мурманского берега Баренцева моря, вопросам реализации государственной политики посвящены работы И.Ф. Ушакова, Е.А. Ореховой, Р.А. Давыдова, В.И. Коротаева. Локальная специфика освоения арктических территорий в области семейной истории, биографических исследований рассмотрена в трудах П.В. Федорова, И.А. Разумовой. Тем не менее, анализ образа жизни переселенцев с позиций истории повседневности требует более пристального внимания: именно в этот период впервые на Мурманском побережье появились постоянные поселения и зарождались новые способы жизнедеятельности в экстремальных условиях севера.

Методология

«История повседневности — отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [9, Пушкарёва Н.Л., с. 6].

Так называемый «историко-антропологический поворот» в осознании событий прошлого начинается во второй половине XX в., изменяя взгляд на социальную историю. Единая универсальная картина мира распадается на множество частных, не менее значимых, явлений. В социологии и истории формируются теории повседневности. М. Маффесоли с постмодернистской позиции вводит в сферу научного анализа будничные явления [10, Maffesoli M.], Н. Элиас показывает, что повседневность является неотъемлемой частью любой социальной группы, а исторический процесс — это взаимодействие разнообразных социальных практик (труда, воспитания, политики и так далее)¹, А. Лефевр рассматривает субъективные переживания как часть общих моделей действительности [11, Lefèbvre H.]. Французские историки М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель включают в круг исследовательских проблем различные

¹ Элиас Н. Понятие повседневного // О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб., 2001. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19175716> (дата обращения: 10.08.2020).

повседневные явления (быт, жилище, одежду, моду, деньги и т.д.) и переходят от политической истории к изучению истории в контексте психологических, демографических и культурных факторов [12, Бродель Ф.].

Учёные доказали, что в истории повседневности скрыт особый смысл, система ценностей, культурный код. Это наглядно показал на примерах из русской культуры Ю.М. Лотман [13, Лотман Ю.М.]. В конце XX в. начинают выходить научные публикации под общим названием «Microstorie». Учёные (К. Гинзбург, Д. Леви и другие) полагали, что история частного, индивидуального связана с общей идентичностью и достойна пристального внимания исследователей. В отличие от краеведения и этнографии, в истории повседневности особое внимание уделяется аналитической части исследования, изменению системы ценностей и роли конкретных личностей, создающих общую картину мира.

В данной статье основной метод исследования — историографический анализ. Объектом анализа является локальная (повседневная) история Восточного Мурмана в период перехода от временных сезонных становищ к постоянным поселениям. Собранный комплекс нарративной информации в дальнейшем может быть использован для уточнения особенностей освоения арктических территорий.

Источниками историографического анализа будут являться очерки, путевые заметки, мемуары, составленные путешественниками, писателями В. Немировичем-Данченко, К. Случевским, Д. Островским, А. Энгельмейером, Е. Львовым. Здесь можно увидеть красочные описания повседневной жизни, труда, досуга, образования, а также краткие диалоги с местными жителями. В данных источниках представлена авторская оценка жизни переселенцев, образные отступления, внимание к частному. В материалах экспедиций С.О. Макарова, Н.М. Книповича даются краткие упоминания о колониях Мурманского берега. Особую группу источников составляют публикации чиновников, посетивших Кольский Север (министр финансов С.Ю. Витте, архангельский губернатор А.П. Энгельгардт), а также географические и социально-экономические описания Мурманского берега, составленные по заказу Императорского Русского географического общества, Императорского вольного экономического общества Петербургской Академии наук, Архангельского общества изучения Русского Севера, Санкт-Петербургского Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству, Главного гидрографического управления морского министерства, Комитета для помощи поморам Русского Севера, губернских администраций. Описания губерний составлялись по конкретному плану, где, как правило, указывалась численность населения, виды хозяйственной деятельности, религия, образование («Мурман», А.Г. Слезкинского, «Материалы по статистическому исследованию Мурмана» под редакцией Н.В. Романова). Все перечисленные источники — уникальные свидетельства жизни переселенцев, написанные участниками экспедиций на основе достоверных данных и со слов колонистов, подтверждающие, что на месте сезонных поселений образовались постоянные, с определённым количеством домов, конкретными жителями и семьями.

Колонии Восточного Мурмана

Восточный Мурман — территория побережья Баренцева моря к востоку от Кольского залива вплоть до мыса Святой Нос. По переписи 1608 г., здесь отмечено 29 становищ. Самые значительные поселения в начале XVII в. были в Гаврилово и Териберке. Постоянные поселения появляются только во второй половине XIX в.

По материалам статистического исследования Восточного Мурмана и Кольской губы 1902 г., на этой территории было 25 населённых пунктов (становищ и колоний): Восточная Лица, Харловка, Золотая, Рында, Шельпины, Гаврилово, Голицыно, Териберка, Мало-Оленье, Зарубиха, Тюва-губа, Трящина, Щербиниха, Захребетная, Зеленцы, Средняя Губа, Ваенга, Грязная Губа, Рослякова Губа, Белокаменная, Красная Щель, Сайда-Губа, Водвора или Оленья Губа, колония при Торос-островах, остров Кильдин [14, Материалы по статистическому исследованию..., с. 1]. В отличие от распространённых по всей России сёл и посёлков, на Мурманском берегу основными типами поселений были становища и колонии — сезонные и постоянные промысловые поселения на морском побережье.

В данной статье внимание будет сосредоточено на десяти колониях Восточного берега (Восточная Лица, Харловка, Рында, Шельпины, Гаврилово, Голицыно, Териберка, Золотая, Зарубиха, Мало-Оленье) и колонии Кильдин (рис. 1.).

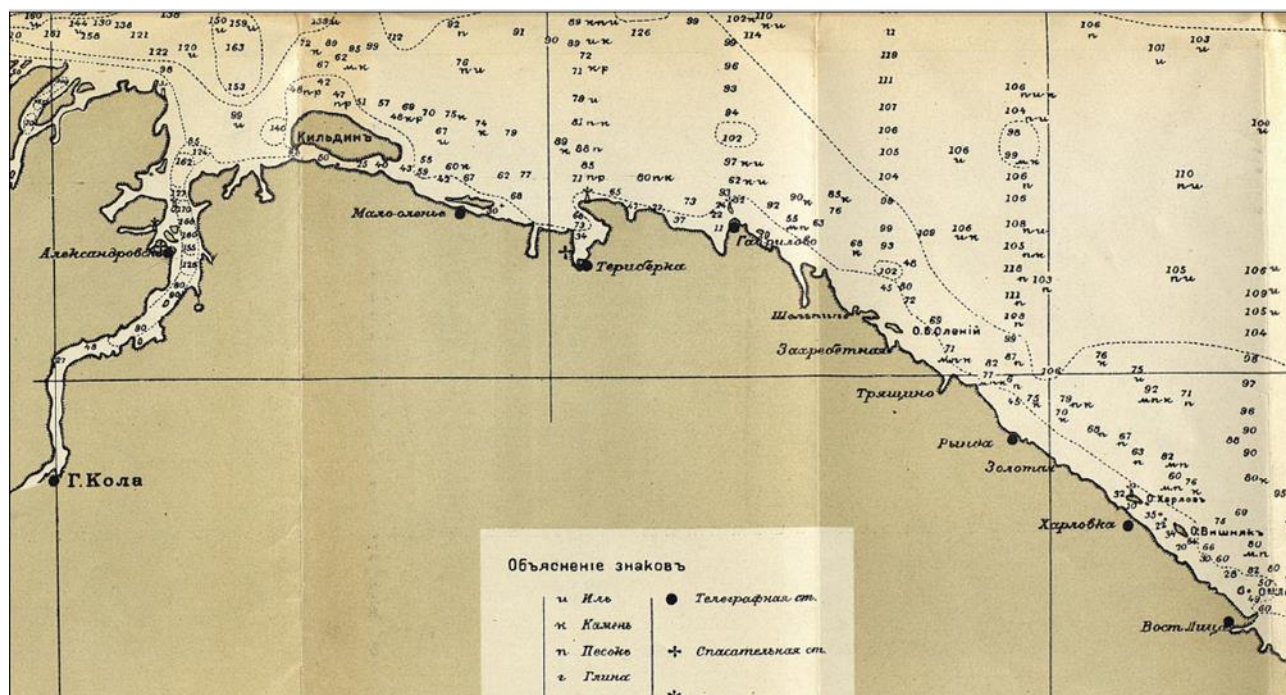

Рис. 1. Восточный Мурман. Фрагмент карты из книги Сиденснера А.К. «Описание Мурманского побережья» (Санкт-Петербург: Главное Гидрографическое Управление Морского Министерства, 1909).

Прежде чем сделать обзор колоний Восточного Мурмана, наметим ряд социальных аспектов, которые будем рассматривать. Это домашний быт, повседневный труд, религиозные верования, обучение в школе, досуг. Особое внимание будем обращать на указание конкретных фамилий и имён, родственные связи. В целом история повседневности включает в себя широкий круг феноменов, однако специфика данной местности в исследуемый пери-

од позволяет анализировать лишь те явления, которые зафиксированы в источниках. В частности, этнографические экспедиции по изучению русского населения здесь не проводились, так как колонизация имела временный характер. По этой же причине практически не фиксировалась внутренняя (стационарная) художественная культура (сказки, предания, прикладное искусство).

Из описаний мы узнаём время создания первых колоний. Важно, что указаны конкретные имена первых поселенцев: Василий Наумов, Дмитрий Дмитриев, Иван Петров, Илья Тарнах, Ефтюков, Иван Редькин, Дмитрий Семёнов, Еремей Бородкин, Иван Эриксон. Выбор места для поселения, как правило, зависел от мест промысла. Часто колонии образовывались недалеко от становищ, куда промышленники собирались каждую весну для ловли трески, палтуса, охоты на морского зверя. Как пишет П.В. Федоров, колонизация Мурмана была глубоко русским явлением, следствием традиции процесса освоения, который переходил время от времени на новые стадии — от сезонной формы к постоянному населению и от сельского к городскому образу жизни, «результатом внутреннего самобытного процесса, в ходе которого на Мурмане зарождались различные формы жизнедеятельности русского населения» [15, Федоров П.В., с. 42].

Приведём данные, указанные со слов колонистов из «Материалов по статистическому исследованию Мурмана» и книги Слезкинского А. Г. «Мурман». В ряде случаев они не совпадают (Лица, Шельпины) или уточняют друг друга (Рында). «От колонистов узнал, что колония Лица основана в 1880 г. Первым в ней поселился крестьянин Кемского уезда, дер. Кандалакши, Фома Редькин» [16, Слезкинский А.Г., с. 8]. «Первым колонистом, прожившим здесь зиму, был крестьянин из с. Кандалакши, Кемского уезда, Василий Наумов» [14, Материалы по стат. исслед., с. 4]; в Шельпино первым пришел в 1890 г. и «самовольно водворился финляндец Илья Тарнах; а в прошлом году поселился крестьянин Онежского уезда Ефтюков» [16, Слезкинский А.Г., с. 8], «первыми поселенцами колонии было семейство Даарнак: Вильгельм с женой, Марьей Ивановной» [14, Материалы по стат. исслед., с. 87]; колония Харловка образовалась в 1894 г., первым пришёл сюда крестьянин Кемского уезда из деревни Потьбозеро Дмитрий Дмитриев [16, Слезкинский А.Г., с. 13]. «Первым поселился в Рынде, в 1875 году, крестьянин Кемского уезда деревни Чернорецкой Иван Петров» [16, Слезкинский А.Г., с. 17]; «первыми колонистами были Иван Петров и Федор Липаев — ныне умершие. Позднее — Павел Лопинов и Корнильев» [14, Материалы по стат. исслед., с. 48]. «Гаврилово — это одна из старейших мурманских колоний — образовалось в 40-х годах; основателем её был крестьянин Кемского уезда, карел, Иван Редькин» [16, Слезкинский А.Г., с. 31]. Колония Кильдин основана в 1880 г. норвежцем Иваном Эриксоном. «С тех пор как поселился на Кильдине этот норвежец, никто не пожелал сюда переселиться; так-таки, он один и хозяйничает на Кильдине 15 лет, словно как владетельное лицо острова» [14, Слезкинский А.Г., с. 45]

И далее: колония Золотая возникла в 1898 г., когда поселился первый колонист, Алексей Васильевич Иванов-Аникеев, крестьянин Тунгудской волости, Кемского уезда деревни Машозера; второй колонист Матвеев поселился в августе того же года; Мало-Оленья, как колония, существует с 1898 года, первым поселенцем здесь был карел Луккоев из Ухтинской волости; Зарубихе первым постоянным жителем был крестьянин Нотозерского погоста Яков Федоров Абалаяев, который жил там до своей смерти в 1893 г.; первыми, изъявившими желание на переселение в Териберку, были крестьяне Ионьгамской волости Кемского уезда — Савин и Семенов [14, Материалы по стат. исслед., с. 30, 180, 192, 137].

Далее в истории заселения Восточного Мурмана сохранились имена поселенцев (жен, детей, братьев). Так, весной 1881 г. в Восточную Лицу приехал Фома Редькин с семьёй из семи человек. Василий и Иван потом поселились в Гаврилове, затем в Голицыно. Затем в Лице поселился Федор Немчинов из Кандалакши с семьей, Федор Семенов из Поньгамы, Сергей Жидких из Кандалакши. В источниках также описываются отдельные события из семейной истории. Так судьба семьи Луккоева из Мало-Оленья сложилась очень драматично: глава семьи умер, оставив жену с двумя детьми. Она ушла зимовать в Колу, затем в Вардё. Вернулась вдова Луккоева в Мало-Оленья с новым мужем Еремеем Бородкиным и двумя его детьми. Жена Арсения Симакова не смогла пережить первой зимы и умерла от цинги, оставив четверых детей, а он сам перебрался в Териберку. Степан Лопинцев из Зарубихи ждал обещанного пособия десять лет, затем переписался в кольские мещане [14, Материалы по стат. исслед., с. 5, 6, 180, 181, 193]. Восстановление семейно-родственных структур — важная научная задача, решение которой позволит персонифицировать историю и требует дальнейшего изучения.

В исследованиях Восточного Мурмана можно найти имена, место рождения, количество детей и отдельные эпизоды из жизни колонистов Ананьина, Стрелкова из Харловки, П.М. Иванова и Ан.Ст. Евстигнеева из Шельпины, Степана Лопинцева, Андрея Полежаева, Пономарёва, Медникова из Зарубихи, Демьяна Харчева. Эти данные дополняют и уточняют статистику. В частности, мещанин Кононов, приписавшийся в териберские колонисты 1870 г., «известен во всем поморье своими познаниями и опытносью в шкиперском деле, которые он приобрел частью в одном из местных шкиперских училищ, а части во время неоднократных шкиперских путешествий в Англию, Испанию, к берегам Средиземного моря» [17, Поленов А.Д., с. 24]. Фамилии колонистов зафиксированы также в «Анкетном обследовании мурманских рыбных промыслов», проведённом поморским отделом Архангельского общества изучения Русского Севера и опубликованном в 1913 г. Здесь можно познакомиться с ответами колонистов Колышнева М.Г. из Рынды, Королькова И.С. из Гаврилова, Пакулина А.И. из Териберки и других [18, Анкетное обследование, с. 12].

В работах писателей, побывавших на Мурмане, сохранилось немало упоминаний о внешнем виде и характере колонистов. К. Случевский в книге «По Северу России», характеризуя облик жителей Мурмана, описывает «их сермяжные одежды, их темные различней-

ших покровов шапки, сапоги, лапти, босые ноги» [19, Случевский К.К., с. 294]; Вас. И. Немирович-Данченко в книге «Страна холода» характеризует промысловиков как «выносливое и красивое племя, смелое, умное и предприимчивое» [20, Немирович-Данченко Вас. И., с. 95]. Отдельные эпизоды о жителях крайнего севера можно найти в книгах М. Пришвина и воспоминаниях К. Коровина. Краткая характеристика приведена в известной книге Е. Львова «По студёному морю: поездка на Север», где описывается экспедиция министра финансов С.Ю. Витте летом 1894 г. для строительства незамерзающего порта. «В Териберке начинает оседать чисто русская колония, и уже несколько десятков семей поселилось здесь прочно...». Министра финансов встретили около 800 человек, жители становища и колонии «все коренастые молодцы с окладистыми бородами, с серыми, умными и энергичными глазами... Вели себя с каким-то вселяющим уважение спокойным природным достоинством» [21, Львов-Кочетов Е.Л., с. 113].

Образ жизни колонистов, повседневные занятия, домашний быт

Поселенцы испытывали массу сложностей: отсутствие тёплого жилья, дров, строевого леса, не говоря уже об отсутствии связи, школы, церкви. Также большой проблемой было получить полагавшиеся ссуды и разрешение на поселение.

Говоря о трудностях колонизации, многие авторы выражают надежду на развитие этого процесса. С.О. Макаров в книге «Ермак во льдах» пишет: «Правительство делает всё, чтобы оживить Мурманский берег; еженедельно приходит пароход, держащий сообщение от Архангельска до Вардё, и во многих пунктах есть телеграфные станции [22, Макаров С.О., с. 58]. А в докладе Императорскому Вольному Экономическому Обществу в 1867 г. о способах колонизации Мурманского берега В.Л. Долинский уточняет: «Наклонность русских и даже сильная охота у них к переселениям и вообще к передвижениям, весьма хорошо известны каждому из нас, как из истории, так и из современного хода событий» [23, Беседы о Севере России, с. 239]. Писатель и публицист А. Энгельмейер отмечает, что «Мурман — это великая страна будущего, это целая область неисчерпаемых богатств и незамерзающих гаваней. Это необъятная почва для русской колонизации» [24, Энгельмейер А.К., с. 69].

В то же время встречаются резко отрицательные характеристики «Ещё большей жизненной несообразностью является колонизация этого побережья»; «В действительности, эти льготы оказались очень небольшими, по крайней мере для русских колонистов» [25, Маноцков В.И., с. 144, 150]. «Вообще следует сказать, что все льготы, дарованные русским колонистам Положением 1868 года, оказывались недостаточными в сравнении с теми препятствиями и хлопотливыми формальностями, которые приходилось преодолевать при получении права на переселение» [26, Сиденснер А.К., с. 18]. Многие исследователи указывают, что правительственные меры колонизации должны учитывать местные условия. «Заботы о водворении вовсе не ограничиваются выдачей колонисту пособия или постройкой ему хорошей избы», нужно «чтобы эти избы находились среди местности, удобной для жизни, для

устройства хозяйства», — сказано в докладе Н.А. Шаврова на заседании Санкт-Петербургского Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству [27, Шавров Н.А., с. 70].

Суровые условия жизни колонистов подтверждены в источниках конкретными примерами. В частности, в колонии Золотая дом колонистки вдовы Матвеевой представлял из себя сколоченный из досок небольшой сарай, приспособленный для жилья в летнее время. Зимой Матвеевы жили в стане одного промышленника. По словам колониста Аникеева-Иванова, стоимость постройки дома, несмотря на его незначительность, очень велика: «Нет рабочих рук, работаешь все сам и вместо промысла сидишь у избы». В Териберке первые годы были очень тяжёлые для переселенцев; «дома все распродали и обнищали из-за голода, на новом месте получили всего 150 рублей и то в три раза. Не было ни дома, ни скота. Муж (Савин) промышлял на море, дети были малые. Тяжело было и безлюдье зимой: ни церкви, ни людей». В Мало-Оленье первый год зима была снежная: «Из дверей домика приходилось подниматься по снежной лестнице в 1 сажень вышиной; окна также надо было отрывать после каждой метели. Однажды, путешествуя со всем семейством в Териберку за оленями, заблудились в метель, 3 дня и 3 ночи спасались в снежной яме под окуткой (под одеждой) и едва не погибли от холода. Когда вернулись домой, то едва нашли свою избу: её совсем занесло снегом» [14, Материалы по стат. исслед., с. 81, 82, 137, 180]. Но их неустроенный быт компенсировался твёрдостью духа и желанием жить и трудиться на этой земле.

Основная хозяйственная деятельность во всех колониях — рыбные промыслы. Практически все источники рассматривают данный вопрос. Семьи на Мурмане постепенно обжились, находили прибыльные занятия. Ловили треску, пикшу, палтуса, зубатку, камбалу. Основной промысел (тресковый) начинался в марте и заканчивался в начале октября. Осенью колонисты вязали сетки, занимались ремонтом жилищ, рубкой дров. Женщины летом были заняты домашним хозяйством, собирали ягель. «Занимаются женщины, главным образом, печением хлеба, и отчасти (большей частью наряду с хлебопечением) отвивкой тюков и стиркой белья [28, Романов Н.В., с. 14]. В Восточной Лице уже через два года семья Редькина переехала в новый дом. «Средства к жизни получает от звериного промысла, ...ловит сёмгу», Вильгельм Даарнак из Шельпино: «Средства к существованию были: летом ловля рыбы, зимою — караул фактории Савина. Весной промышляли зверя пополам с Савиным на его сетях. Жена его... поддерживает своё существование промыслом рыбы на уд и продажей молока летом, сдачей в аренду амбаров промышленникам, продажей шерсти с овец и оленей на мясо» [14, с. 6, 87].

У каждой семьи свои обстоятельства поселения на Мурманском берегу. В основном это нужда и желание свободной промысловой деятельности. Первые колонисты говорили: «От хорошей жизни сюда не пойдёшь», «Ели кору, люди пухли и умирали», «Шли поневоле, как в ссылку», но затем сюда приходят «из кабалы», в надежде на лучшую жизнь [29, Предварительный отчёт, с. 1]. Д. Дмитриева «из дома Кемского уезда погнала нужда: сгорел у не-

го дом, потом пала скотина. Харловку выбрал потому, что живал здесь по летам и раньше, имел знакомых промышленников, мог рассчитывать на их помощь». В Колонию Золотую «по словам Аникеева, его заставила переселиться нужда: большая семья, а земли для обработки мало, да и та плоха; плохи покосы. Ежегодно ездил на Мурман, тратил на дорогу рублей 20. Думал: переселюсь — не будет провозу». В Мало-Олень сын псаломщика из Ворзогор «раньше жил “чужой работой”, побывал, между прочим, в Петербурге!» В Зарубихе «крестьянин Пономарев из Колежмы, Кемского уезда ходил на промысел из покрута, семья велика, содержать было нечем, потому и решился “писаться”» [14, с. 20, 31, 181, 193].

Интерес представляют описания домов колонистов и общее впечатление учёных и путешественников от колоний. С одной стороны, участники экспедиций говорят о суровом климате, с другой — об основательности построек и обеспеченности жителей. Вот как описывает одну из колоний А. Слезкинский: «Против устья р. Харловки расположены колония и становище Харловка. Кругом высокие скалистые берега, лишённые всякой флоры, смотрят как-то таинственно, страшно. У подножия этих мрачных гигантов виднеются избы — там живут люди и за них становится крайне жутко; невольно думается, как они живут здесь, бок-о-бок с постоянно бушующим Ледовитым океаном?» [16, Слезкинский А., с. 12].

Многие колонисты начинали жить в сараях и землянках. Землянка строилась следующим образом: остов делали из ряда вбитых в землю тонких бревен-стоек; все это обкладывалось широкими кусками дерна, положенными горизонтально один на другой, так что слой земли достигает толщины 0,7 метра. Промежутки между стойками обшивались досками, но чаще между стойками оставалась земля. Потолка часто не было. Вместо него — только переплет из горизонтальных бревен, между которыми видна крыша, поддерживаются они переплетом из жердей. Крыша четырёхскатная, снаружи обложена дерном. «В землянке всегда пахнет землей. Но главное неудобство землянки — сырость; в старых землянках сырости меньше, в новых же, в которых дерн еще не просох, бывает очень сыро, а так как землянку часто приходится исправлять, заменяя старые куски дерна новыми, то сырость в землянках не переводится» [2, с. 116].

Но уже через несколько лет исследователи отмечали, что избы у колонистов новые, живут вообще зажиточно. В Восточной Лице «избы исключительно деревянные, прочные, уютные»; поселение Рында «выглядит порядочным, а некоторые избы даже свидетельствуют о зажиточности хозяев»; в Гаврилово «материально колонисты обеспечены. Дома у них прочные, хорошие, недостатка в жизненных припасах не имеют», в Галицыно «дома в колонии порядочные; живут колонисты без нужды — хватает и хлеба, и рыбы, и леса»; в Териберке «в общем, избы колонистов хорошие. Их безбедная жизнь привлекает немало переселенцев» [16, Слезкинский А., с. 11, 17, 32, 37, 42]. В колонии Кильдин «дом норвежского колониста Ивана Эриксона — образец мурманских построек. Дом деревянный, двухэтажный, с крыльцом, балконом и флагштоком, без фундамента, крытый дёрном. Дом теплый,

семейство большое, рослое, здоровое, приветливое. Живут зажиточно и чисто» [30, Островский Д.Н., с. 99].

«Типичный дом колониста 3–4 саж. в одну и другую стороны и 3–4 арш. вышины. Как правило, сначала ставилась маленькая избушка без сеней и надворных построек, к ней, потом, пристраивались сени; за ними новая, столь же маленькая или побольше избушка, хлев и прочие хозяйственные постройки. В Рынде у всех колонистов были маленькие деревянные, одноэтажные домики. Всего один дом имел по фасаду четыре окна, остальные по три и по два. У одного колониста домик обложен для тепла дерном. Часть домов снаружи обшита тесом. Один дом от другого построены на значительном расстоянии. На улице летом чисто и сухо. Промысловых станов около колоний мало. В Шельпино резко отличается от других дом колонистки Даарнак. Это типичный дом финляндца-колониста среднего достатка. Снаружи это длинное четырехугольное здание, в котором под одной крышей находятся и жилое помещение и проч. В Териберке дома колонистов и становщиков небольшие, одноэтажные, в три окна по фасаду, редко более. Иногда обшиты тесом. У колонистов, имеющих скот, под одну крышу с домом строятся и помещения для скота. Амбары часто при домах, часто отдельно, как и у становщиков. У всех отдельно устроены поварни» [14, с. 111, 50, 89].

Исследователи оставили нам описание внутреннего пространства дома колонистов. Типичный большой дом имеет две, иногда три комнаты помимо кухни. Вход в комнаты часто через кухню. В Рынде внутри домов стены или выкрашены, или оклеены обоями. «В общем внутренняя обстановка напоминает у одних — крестьянскую избу с длинными скамейками по стенам, некрашеным столом в переднем углу; у других — обстановку бедной мещанской комнатки в захолустном городке: деревянные, грубой работы стулья все-таки окрашены, как столы и стены. Крашенных полов нет». В Шельпино у колонистки Даарнак средину здания занимают сени, по одну сторону их — две комнаты для жилья, по другую — хозяйственные постройки. Первая от входа комната — кухня, она же столовая. Освещается она двумя окнами. «Здесь есть большая русская печь, которую топят ежедневно зимой и для печения хлеба и проч. Кроме неё камин, который топят ежедневно для тепла, варки пищи, кофе. Следующая за ней комната служит спальней и гостиной — это „чистая половина“. Освещается одним окном». В Териберке домики колонистов обыкновенно разделены перегородками на две половины. «Обстановка у состоятельных колонистов напоминает несколько городскую: стулья, скатерти. Но, как общее правило, в старых домах встречаешь лавки вдоль стен. Кровати далеко не у всех. В одной комнате вповалку спят все члены семьи» [14, с. 50, 89, 140].

Религиозные традиции, обучение в школе, досуг

Жители Восточного Мурмана практически все русские, православные, исключая Кильдин. Недаром этот берег именовался «русским». Православное колонистское население Восточного Мурмана было сосредоточено в приходах Ловозерском, Гавриловском, Териберском. Важным источником изучения социальной истории Восточного Мурмана явля-

ются метрические книги², содержащие официальные записи актов рождения, бракосочетания и смерти.

К Ловозерскому приходу относились колонии Рында, Золотая, Харловка и Восточная Лица. Весь приход растянулся не менее как на 300 вёрст. На это огромное пространство — один священник и один псаломщик. Церкви были в Рынде и Харловке, в Восточной Лице — часовня. Гавриловский приход включал в себя колонии Гаврилово, Голицыно, Шельпины, Захребетную и становище Трящину. В Гаврилово — церковь и часовня; в Шельпино — часовня. Церковь в Гаврилово построена в 1895 г., тогда же открыт и приход. Обе часовни очень старые (в Гаврилово основана в 1797 г., в Шельпино существует более 200 лет). Териберский приход образован в 1886 г., в него входят Териберка, Мало-Оленье и Зарубиха. Зимой сообщение затрудняется «непогодами, бездорожицей, отсутствием станций и подвод» [2, Статистические исследования Мурмана. Колонизация, с. 76].

В Рынде колонисты все русские, православные, переселились из Кемского уезда. В колонии сооружена маленькая церковь, где местным священником совершается церковная служба. «Храм посещается молящимися усердно, особенно зимою, когда колонисты менее заняты промыслами», в Харловке «колонисты из карел, православные, имеют церковь, которая скорее построена не для них, а для пришлых поморов». И колонисты, и особенно промышленники большей частью староверы, но строгой приверженности к своим обрядам нет. В церковь больше ходят колонисты, промышленники мало. На исповедь ходят не все; отчасти из-за того, что зимой священник не может приехать в колонию, а летом все заняты промыслом. В колонии Кильдин «все колонисты русские подданные, из норвежцев, говорят исключительно по норвежски, никаких отношений с русскими колонистами не имеют, а дела ведут в Норвегии» [16, Слезкинский А., с. 13, 19, 45].

Начальное образование в поселениях Восточного Мурмана получали дети в Териберке, Гаврилово. В Восточной Лице, Харловке, Голицыно жители в основном не умели писать, школы для детей отсутствовали, в Рынде были грамотные жители, но обучение детей не проводилось. На Восточном Мурмане всех грамотных насчитано 78 мужчин и 24 женщины, 18 мальчиков и 3 девочки. Наиболее грамотными среди колонистов являются недавно переселившиеся, успевшие научиться на месте своего прежнего жительства. Их дети, родившиеся на Мурмане, в большинстве случаев остаются вовсе неграмотными, несмотря на относительную зажиточность [2, с. 19].

В Восточной Лице «колонисты все почти неграмотные; да и заносить сюда грамоту некому; не заносят её даже и нижние чины, потому что колонисты освобождены от военной службы»; в Харловке «из взрослых грамоты никто не знает, — да очень трудно себе представить, чтоб она проникла и к детям их», в Рынде «есть кой-кто из грамотных, но выучились не в колонии, а на родине и передавать грамоту новому поколению не могут, так что последнее

² ГАМО «Коллекция метрических книг приходов и церквей Александровского уезда Архангельской епархии» (1783–1920 гг.) И-136

растет безграмотным»; в Гаврилово «при церкви имеется школа грамоты, в которой учится 6 мальчиков. Это доброе дело ведут священник и дьячок бесплатно, а учебные пособия покупаются насчет родителей»; в Голицыно «некоторые колонисты знают грамоту и именно те, которые переселились туда из Гаврилово, — но молодое поколение растет безграмотным» [16, Слезкинский А., с. 10, 14, 19, 32, 37].

В Териберке в школе грамоты «обучаются исключительно дети местных колонистов. Обучают: Закону Божию местный священник, по остальным предметам — псаломщик. Священник имеет домашнее образование, а псаломщик уволен из 1 класса духовной семинарии. Учащихся в школе было: в 1898/99 — 10 мальчиков. Курс— два года. Учебное время — с начала октября до начала апреля. Школа, по словам священника, ни в чем не нуждается. Но местные колонисты жаловались, что обучение в школе ведется очень неаккуратно: „непутёвое обучение ": день поучат, да два нет. Да и учат-то по малу: ребята соберутся и бегают около часу перед школой; их потом собирают в школу и учат около часу, а потом отпускают домой обедать. После обеда новая беготня и опять занятий не более часу, а потом и домой. Испытание двух учеников, Неронина, обучавшегося два года, и Синякова, обучавшегося 3 года, дало такие результаты: первый читал по складам; не особенно быстро читал и Синяков. Оба считают слабо. Молитв знают мало [14, Материалы по стат. исслед., с. 144].

В свободное время (поздней осенью и зимой) молодёжь вечерами собирается на посиделки и для веселья. С этой целью обыкновенно арендуют избу у какого-либо из не живущих здесь по зимам колонистов. В «Приложении к описанию колонии Гаврилово» описано как колонисты провели зиму 1899–1900 гг.: «Семейство (7 человек) зимой занимает 2 маленькие комнаты. Кроме самых необходимых, как: приготовление пищи, починка одежды, заготовка дров и пр., никаких занятий у вдовы и детей нет» [14, Материалы по стат. исслед., с. 127].

Праздничная культура — противоположность повседневной, однако все элементы праздника (праздничная одежда, еда, ритуалы, песни) в колониях практически не отличаются от будней. Под праздник на промысел не ездят. Летом по праздникам собираются поиграть в орлянку. В Рынде в праздники редко ездят на море, хотя под вечер и ловят наживку. «Ловили даже и днём на Преображение, в свой престольный праздник. Объясняется это отчасти тем, что среди промышленников много старообрядцев, отчасти тем, что здесь мало наживки. Пьянства не особенно много. Отчасти оно не бьёт в глаза и потому, что мало людей, что они разведены на значительном пространстве». «Зимою — хлеб черный; белый по праздникам». В Териберке праздники считаются днями отдыха. «На промысел не выезжают, если только праздник не застал на море. Развлечений летом нет никаких. К вечеру в праздничный день уже начинают работать— ловят наживку, наживляют яруса. Вообще говоря, население скромно и сдержанно — даже промышленники. Девять человек статистиков работали в праздничный день (вели опросы) и ни один не может пожаловаться на грубость даже со стороны пьяных» [14, с. 51, 112, 140, 141].

Таким образом, описания жизни переселенцев (повседневных занятий, обстановки дома, обстоятельств попадания в данную местность, религиозных традиций, обучения в школе, досуга), сохранившиеся в материалах экспедиций и путевых заметок позволяют увидеть важную роль отдельной личности и семьи в процессах адаптации к экстремальным условиям севера. Истории из жизни колонистов придают эмоциональную окраску происходящим событиям и формируют чувство сопричастности и ментального присвоения территории. Процесс образования колоний (строительство домов с прилегающими хозяйственными постройкам, повседневные занятия) — это уникальный опыт освоения арктических территорий. В целом реконструкция типичного помогает определить мотивацию конкретного человека и его семьи к жизни на севере, эволюцию системы ценностей и возможные сценарии будущего.

Заключение

Описанный в статье феномен зарождения культурной локализации на новом месте не смог сформироваться: проект колонизации в советский период реализовывался уже в другом формате. Тем важнее исследование проблем и итогов данного проекта, а также новых научных исследований и дискуссий на основе прочтения первоисточников. Формирование региональной целостности Восточного Мурмана происходило постепенно, вслед за заселением выходцами из разных областей. Новая территория присваивалась не только официально (путём начисления льгот) или символически (строительством церквей), но и в сознании самих переселенцев. Анализ корпуса научных текстов и материалов экспедиций даёт возможность проанализировать воспоминания очевидцев о специфике адаптации, семейной истории, событиях и окружающем пространстве в исследуемый период, а сбор данных о конкретных людях, упоминавшихся в источниках, является подготовительным этапом для масштабного изучения демографии и семейно-родственных структур Мурманского берега.

Благодарности и финансирование

Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект 20-09-00008 «Русская Арктика: от становищ к "колониям" (адаптация, семья, культура)»

Литература

1. Энгельгардт А.П. Русский Север: путевые записки. Санкт-Петербург: Издательство А.С. Суворина, 1897. 258 с.
2. Статистические исследования Мурмана. Колонизация (по материалам 1899, 1900 и 1902 гг.) / Ком. для помощи поморам Рус. Севера. Санкт-Петербург: Типография И. Гольдберга, 1904. 291 с.
3. Авдони́на Н.С., Долгоборо́дова С.О. Освещение геополитической проблематики в контексте темы освоения Арктики в американском медиадискурсе (на примере материалов газеты «The New York Times») // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 178–191. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.178

4. Авдони́на Н.С., Водя́нникова О.И., Жу́кова А.А. Освещение проблем Арктического региона в современной международной журналистике: примеры и особенности // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 159–164. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.159
5. Бхагват Д. Россия и Индия в Арктике: необходимость большей синергии // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 73–90. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.73
6. Корчак Е.А. Долгосрочная динамика социального пространства арктических территорий России // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121
7. Хайнинен Л. Обзор арктической политики и стратегий // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 195–202. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.195
8. Хейнинен Л. Арктика как пространство для междисциплинарности, устойчивого развития и мира // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 81–87. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.81
9. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.
10. Maffesoli M. The Sociology of Everyday Life (Epistemological Elements) // Current Sociology. 1989. Vol. 37. № 1. Pp. 1–16.
11. Lefèbvre H. Everyday Life in the Modern World. L. Harper & Row, 1971. 210 p.
12. Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. В 3-х т. Москва, 1986. Т. 1. 621 с.
13. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). Санкт-Петербург: Искусство, 1994. 481 с.
14. Материалы по статистическому исследованию Мурмана. В 4 томах. Т. 2. Вып. 1. Описание колоний Восточного берега и Кольской губы. Под ред. Н.В. Романова. 1902. XIX, 273 с.
15. Федоров П.В. Культурные ландшафты Кольского Севера: структура и историческая динамика. Мурманск, МГГУ, 2014. 175 с.
16. Слезский А.Г. Мурман. Санкт-Петербург: Типография И. Гольдберга, 1897. 219 с.
17. Поленов А.Д. Отчёт по командировке на Мурманский берег. Санкт-Петербург, 1876. 56 с.
18. Анкетное обследование мурманских рыбных промыслов / Поморский отдел Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, Губернская типография, 1913. 18 с.
19. Случевский К.К. По Северо-Западу России. В 2 томах. Том 1. По Северу России. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Маркса, 1897. 456 с.
20. Немирович-Данченко В.И. Страна холода: виденное и слышенное. Санкт-Петербург: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1877. 260 с.
21. Львов-Кочетов Е.Л. По Студеному морю: поездка на Север: Ярославль, Вологда, Архангельск, Мурман, Нордкап, Тронхейм, Стокгольм, Петербург; с рисунками с натуры, исполненными художниками К.А. Коровиным и В.А. Серовым; дополнено в 2019 году работами художника А.А. Борисова и фотографа Я.И. Лейцингера. Мурманск: ИП Данилова Т.Н., 2019. 251 с.
22. Макаров С.О. «Ермак» во льдах. Санкт-Петербург: Типография Е. Евдокимова, 1901. 508 с.
23. Беседы о Севере России в 3 отделении Императорского Вольного Экономического Общества: сборник докладов: В.Л. Долинский, В.Н. Латкин, М.К. Сидоров. Императ. Вольн. Экон. О-во; под пред. О.С. Лашкарева. Санкт-Петербург: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1867. 461 с.
24. Энгельмейер А.К. По русскому и скандинавскому северу. Путевые воспоминания: в 4 частях. Москва: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. 210 с.
25. Маноцков В.И. Очерки жизни на Крайнем Севере. Мурман. Архангельск: Типолитография С.М. Павлова, 1897. 193 с.
26. Сиденснер А.К. Описание Мурманского побережья. Санкт-Петербург: Главное Гидрографическое Управление Морского Министерства, 1909. 272 с.
27. Шавров Н.А. Колонизация, ее современное положение и меры для русского заселения Мурмана. Санкт-Петербург: Типография И. Гольдберга, 1898. 98 с.
28. Романов Н.В. Организация и программа статистических работ на Мурмане в 1902 году. Архангельск, 1902. 22 с.

29. Предварительный отчёт по исследованию колонизации и промыслов Мурманского берега отрядом статистиков, командированных на средства Комитета для помощи Русского Севера. Санкт-Петербург: Типография И. Гольдберга, 1900. 57 с.
30. Островский Д.Н. Путеводитель по Северу России: Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая земля. Печора. Санкт-Петербург: Издание Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, 1898. 146 с.

References

1. Engel'gardt A.P. *Russkiy Sever: putevye zapiski* [Russian North: Travel Notes]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo A.S. Suvorina, 1897, 258 p. (In Russ.)
2. *Statisticheskie issledovaniya Murmana. Kolonizatsiya (po materialam 1899, 1900 i 1902 gg.)* [Statistical Studies of Murman. Colonization (Based on Materials from 1899, 1900 and 1902)]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Gol'dberga, 1904, 291 p.
3. Avdonina N.S., Dolgoborodova S.O. Osveshchenie geopoliticheskoy problematiki v kontekste temy osvoiniya Arktiki v amerikanskom mediadiskurse (na primere materialov gazety «The New York Times») [Covering Geopolitical Problems in the Context of the Arctic Exploration in the American Media Discourse (Based on The New York Times Content Analysis)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 178–191. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.178.
4. Avdonina N.S., Vodyannikova O.I., Zhukova A.A. Osveshchenie problem Arkticheskogo regiona v sovremennoy mezhdunarodnoy zhurnalistike: primery i osobennosti [The Problems of the Arctic Region in Modern International Journalism: Examples and Features]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 134–138. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.159
5. Bhagwat J. Rossiya i Indiya v Arktike: neobkhodimost' bol'shey sinergii [Russia and India in the Arctic: A case for greater synergy]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 73–90. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.73
6. Korchak E.A. Dolgosrochnaya dinamika sotsial'nogo prostranstva arkticheskikh territoriy Rossii [The Arctic Territories of Russia: Long-Term Dynamics of the Social Space]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121
7. Heininen L. Obzor arkticheskoy politiki i strategiy [Overview of Arctic Policies and Strategies]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 195–202. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.195
8. Heininen L. The Arctic Region as a Space for Trans-disciplinary, Resilience and Peace. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 21, pp. 69–73. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.81.
9. Pushkareva N.L., Lyubichankovskiy S.V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossiyskoy filosofskoy shkole [“Everyday Life History” in Modern Historical Research: from School of the Annals to the Russian Philosophical School]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 7–21.
10. Maffesoli M. The Sociology of Everyday Life (Epistemological Elements). *Current Sociology*, 1989, vol. 37, no. 1, pp. 1–16.
11. Lefèbvre H. *Everyday Life in the Modern World*. L. Harper & Row, 1971, 210 p.
12. Brodel' F. Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe [Structures of Everyday Life: Possible and Impossible]. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV — XVIII vv. V 3-kh t.* [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th – 18th Centuries]. Moscow, 1986, vol. 1, 621 p. (In Russ.)
13. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (18th - Early 19th Century)]. Saint Petersburg, Iskustvo Publ., 1994, 481 p. (In Russ.)
14. Romanov N.V., ed. *Materialy po statisticheskomu issledovaniyu Murmana. V 4 tomakh. T. 2. Vyp. 1. Opisanie koloniy Vostochnogo berega i Kol'skoy guby* [Materials on Statistical Research of Murman. In 4 Vol. Vol. 2. Iss. 1. Description of the Colonies of the East Coast and the Kola Bay]. 1902, XIX, 273 p. (In Russ.)
15. Fedorov P.V. *Kul'turnye landshafty Kol'skogo Severa: struktura i istoricheskaya dinamika* [Cultural Landscapes of the Kola North: Structure and Historical Dynamics]. Murmansk, MSHU Publ., 2014, 175 p.

16. Slezskinskiy A.G. *Murman* [Murman]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Gol'dberga, 1897, 219 p. (In Russ.)
17. Polenov A.D. *Otchet po komandirovke na Murmanskiiy bereg* [Report on a Business Trip to the Murmansk Coast]. Saint Petersburg, 1876, 56 p.
18. Anketnoe obsledovanie murmanskikh rybnnykh promyslov [Questionnaire Survey of Murmansk Fisheries]. Arkhangelsk, Gubernskaya tipografiya, 1913, 18 p.
19. Sluchevskiy K.K. *Po Severo-Zapadu Rossii. T. 1: Po Severu Rossii* [In the North-West of Russia. Vol. 1: In the North of Russia]. Saint Petersburg, Izdanie A. F. Marksa, 1897, 456 p. (In Russ.)
20. Nemirovich-Danchenko V.I. *Strana kholoda: vidnoe i slyshennoe* [The Land of Cold: Seen and Heard]. Saint Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa, 1877, 260 p. (In Russ.)
21. L'vov-Kochetov E.L. *Po Studenomu moryu: poezdka na Sever: Yaroslavl', Vologda, Arkhangel'sk, Murman, Nordkap, Tronkheim, Stokgol'm, Peterburg; s risunkami s natury, ispolnennymi khudozhnikami K.A. Korovinym i V.A. Serovym; dopolneno v 2019 godu rabotami khudozhnika A.A. Borisova i fotografa Ya.I. Leytsingera* [On the Cold Sea: a Trip to the North: Yaroslavl, Vologda, Arkhangelsk, Murman, North Cape, Trondheim, Stockholm, Petersburg; with Drawings from Nature, Performed by Artists K.A. Korovin and V.A. Serov; Supplemented in 2019 by the Works of the Artist A.A. Borisov and Photographer Ya.I. Leuzinger]. Murmansk, Danilova T.N. Publ., 2019, 251 p.
22. Makarov S.O. «*Ermak*» vo l'dakh [“Ermak” in the Ice]. Saint Petersburg, Tipografiya E. Evdokimova, 1901, 508 p. (In Russ.)
23. Lashkarev O.S. *Besedy o Severe Rossii v 3 otdelenii Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva* [Conversations about the North of Russia in the 3rd Branch of the Imperial Free Economic Society]. Saint Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya Pol'za», 1867, 461 p. (In Russ.)
24. Engelmeier A.K. *Po russkomu i skandinavskomu severu. Putevye vospominaniya* [Through the Russian and Scandinavian North. Travel Memories]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya, 1902, 210 p. (In Russ.)
25. Manotskov V.I. *Ocherki zhizni na Kraynem Severe. Murman* [Sketches of Life in the Far North. Murman]. Arkhangelsk, Tipolitografiya S.M. Pavlova, 1897, 193 p. (In Russ.)
26. Sidensner A.K. *Opisanie Murmanskogo poberezh'ya* [Description of the Murmansk Coast]. Saint Petersburg, Glavnoe Gidrograficheskoe Upravlenie Morskogo Ministerstva, 1909, 272p. (In Russ.)
27. Shavrov N.A. *Kolonizatsiya, ee sovremennoe polozhenie i mery dlya russkogo zaseleniya Murmana* [Colonization, its Current Situation and Measures for the Russian Settlement of Murman]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Gol'dberga, 1898, 98 p. (In Russ.)
28. Romanov N.V. *Organizatsiya i programma statisticheskikh rabot na Murmane v 1902 godu* [Organization and Program of Statistical Work on Murman in 1902]. Arkhangelsk, 1902, 22p. (In Russ.)
29. *Predvaritel'nyy otchet po issledovaniyu kolonizatsii i promyslov Murmanskogo berega otryadom statistikov, komandirovannykh na sredstva Komiteta dlya pomoshchi Russkogo Severa* [Preliminary Report on the Study of Colonization and Fisheries of the Murmansk Coast by a Detachment of Statisticians Sent on a Mission to the Committee to Help the Russian North]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Gol'dberga, 1900, 57 p.
30. Ostrovskiy D.N. *Putevoditel' po Severu Rossii: (Arkhangel'sk. Beloe more. Solovetskiy monastyr'. Murmanskiiy bereg. Novaya zemlya. Pechora)* [Guide to the North of Russia: (Arkhangelsk. White Sea. Solovetsky Monastery. Murmansk Coast. New Land. Pechora)]. Saint Petersburg, Izdanie Tovarishchestva Arkhangel'sko-Murmanskogo parokhodstva, 1898, 146 p. (In Russ.)

Статья принята 20.08.2020.